

МЕТОДОЛОГИЯ БЫЛИНОВЕДЧЕСКИХ ШКОЛ В РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ. СИНТЕЗИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ БЫЛИННОГО ЭПОСА

Иванова А. В.

Научный руководитель – доцент кафедры истории России Гонина Н. В.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Проблема исследования русского былинного эпоса до сих пор является злободневной в отечественной фольклористике. Споры между представителями различных школ, давно занимающихся исследованием русского героического эпоса, то затихают, то вдруг снова разгораются с невероятной силой, и, несомненно, спор этот остается актуальным и в наше время. И дело не в том, что долг ученого требует от исследователей доказательств их теорий, отстаивания собственных позиций во имя удовлетворения личных амбиций и поиска новых методов в исследовании фольклора, его жанров и проявлений в обрядах и ритуалах: главным для истинного фольклориста является определение подлинного значения былинного эпоса для народа, его поэтике, его влияние на современную культуру.

После систематического исследования ряда работ, посвященных фундаментальным вопросам в изучении былин, таких авторов, как В. Я. Пропп, В.Л. Прозоров, Б. А. Рыбаков и др. было обнаружено, что каждому из фольклористов свойственно интерпретировать информацию, заложенную в былинах, с позиции определенной былинноведческой школы, соответственно отсутствие общей методологии создает проблему поиска определенных, универсальных и эффективных методов изучения русского героического эпоса.

Правильное разрешение вопросов методологии в любой науке имеет в числе других факторов решающее значение. Как правильно замечает В. Я. Пропп: «Ложный метод не может привести к правильным выводам».

Одно из основных требований нашей современной науки состоит в том, чтобы все явления человеческой культуры изучались в их историческом развитии. Осуществление исторического принципа в изучении эпоса – одна из основных задач для тех, кто подошел к проблеме интерпретации былин и выявления их истинного значения для современной культуры.

Разрешение этой задачи весьма сложно. Оно зависит, во-первых, от того, как мы представляем себе отношение эпоса к истории и, во-вторых, какими методами научного анализа мы будем пользоваться для раскрытия исторического характера и развития эпоса.

В русской академической науке XIX-XX веков имелось несколько направлений.

Представители так называемой мифологической школы (Ф. И. Буслаев, О. Миллер и другие) полагали, что эпические песни возникали первоначально как мифы о божествах. В этом, по их мнению, состояла связь эпоса с историей. Песни рассматривались как живые памятники глубокого исторического прошлого, и этим ограничивалось их научное значение. Но так как о подлинных мифах первобытных народов в то время ничего известно не было, эти мифы искусственно реконструировались из самих же былин и сказок. В реконструкции мифа из эпоса и состоял метод изучения былин. В результате такой реконструкции оказывалось, например, что Владимир, прозванный в эпосе Красным солнышком, якобы древнее божество солнца, что Илья Муромец будто бы бог-громовец и т.д. Герои народной поэзии неизменно оказывались поблекшими божествами ветра, грозы, солнца, бури. Оттого возникло другое название этой школы

— солярно-мифологическая. Однако противники мифологической школы подметили, что «наивные» методы мифологистов позволяли свести к все той же солнечно-погодной схеме жизнь любого исторического персонажа. Первым это подметил француз Жан Батист Перес — и с истинно французской легкостью и остроумием — сочинил памфлет, в котором с серьезным видом, по всем правилам «мифологической» теории, доказывал, что Наполеон Бонапарт не кто иной, как... солнечный миф. В самом деле — его имя означает Наи Аполлон, Истинный Аполлон, фамилия Бонопарте, «благая часть», обозначает власть Солнца над светлой частью суток, днем, и летом — теплой половиной года. Кстати о Лете — мать Наполеона звалась Летицией, а мать Аполлона — Латона или Лето — не ясно ли, что это одно и то же?! Двенадцать маршалов Наполеона — это знаки Зодиака, его дети — времена года, поверженная им гидра революции (ре-волюта извивающаяся) — это змей Пифон, пораженный Аполлоном, и т. д. Получается, мы можем с легкостью подвести под мифологическую схему жизнь той или иной исторической личности, доказав тем самым ее мифичность. Так, корифей русской и мировой мифологической школы Федор Иванович Буслаев с горечью вспоминает о своем увлечении солнечно-погодной символикой: «По этой теории все объясняется легко, просто и наглядно, какое бы событие ни рассказывалось... Где в былине поется о горе, по этой теории разумею не гору, а тучу или облако; если богатырь поражает Горыню, это не богатырь и не Горыня, а молния и туча». Политический смысл всего этого направления был резко осужден Добролюбовым и Чернышевским, указавшими на полное отсутствие критичности, на мертвенность этой науки и на ее оторванность от запросов жизни.

Однако не смотря на то, что критика мифологической школы шла, не в последнюю очередь, изнутри, многие ее положения в наши дни не потеряли значения. В первую очередь, это исследование Ф.И. Буслаевым былины о Вольге и Микуле. отождествление Вольги со старославянским богом охоты Волхом, к сожалению, отвергнуто позднейшими исследователями; между тем, мы согласны с Прозоровым в том, что это отождествление — единственный ключ к этому былинному образу. Неоцененными остались и очевидные параллели, проведенные Буслаевым, между образом волшебного пахаря Микулы и языческим богом Волосом. Мы полностью согласны с идеей автора, которую он развивает на основании сопоставительного и сравнительного анализа, согласно которой в былине воссозданы образы не просто князя и крестьянина, а двух языческих богов: бога земледелия и плодородия — Волоса и бога охоты — Вольги.

В совершенно ином направлении вели изучение **компаративисты**. По их мнению, эпос представляет собой внеисторический феномен русской культуры. Он якобы совершенно фантастичен. Согласно этому учению, эпос не развивается. Песни создаются в определенном месте и в определенное время, а затем сюжеты начинают странствовать от народа к народу, мигрировать; история этих "странствий", "заимствований" и составляет будто бы историю эпоса. Изучая русский эпос, компаративисты возводили его то к эпосу восточных, азиатских народов (Потанин), то к заимствованиям из Византии или из Западной Европы (Веселовский и его последователи). Так, например, В. В. Стасов шокировал публику утверждением, что все сюжеты былин заимствованы с Востока. Они являют собой неполный и неточный пересказ сюжетов индийских и иранских сказаний, полученных к тому же из вторых рук, от тюркских народов во времена татарского нашествия. Так Илья Муромец оказывается Рустамом из персидского эпоса «Шахнамэ», Добрыня Никитич — Кришной, а Алеша Попович — Индрой. В рамках этой теории, но в противовес Стасову, поздний Ф. И. Буслаев и ранний А. Н. Веселовский рассматривали сюжеты былин как заимствованные с Запада.

Однако, не смотря на то, что доводы компаративистов явно требуют обширных доказательств и представляются нам сомнительными, идея о праиндоевропейских кор-

нях более древнего цикла былин о Святогоре и Волхве представляет, на наш взгляд, большой интерес для современного исследователя.

По другому решается вопрос о взаимоотношении эпоса и истории в работах так называемой **исторической школы**, которую возглавлял В. Миллер. Взаимоотношения между эпосом и историей сторонники этого направления представляли себе чрезвычайно просто. Песни отражают, регистрируют события той эпохи, в которую они создавались. Эпос рассматривается как своего рода устная историческая хроника, подобная письменной хронике – летописи. Но летопись – хроника более или менее надежная, былина же – хроника ненадежная. Отсюда метод этой школы, сводящийся к проверке былины через летопись или другие исторические документы. В рамках этой школы шли поиски исторических корней и прототипов. Были найдены параллели между Добрыней Никитичем и дядей Владимира Святого, Алешей Поповичем и Александром-храбром, Василием Казимировичем и новгородским посадником Василием Казимиром, волшебницей Маринкой и Мариной Мнишек, Тугарином и ханом Тугорканом, Идолищем Поганым и ханом Итларем.

Несмотря на то, что на первый взгляд методология исторической школы может показаться самой рациональной из всех представленных выше, сверяя былинку с летописью, мы как бы возводим искусство к действительности, однако В. Я. Пропп считает это необоснованным предубеждением. В своем труде «Русский героический эпос» исследователь говорит о том, что идейные предпосылки и методы этой школы, («которая не заслуживает названия исторической») столь же несостоятельны, как и принципы школы мифологической или компаративистской. Дело не только в том, что художественная сторона эпоса полностью игнорировалась. Согласно В. Миллеру, героические песни первоначально будто бы складывались во славу князей, руководивших военными походами времен феодальных распрей. Таким образом, они созданы будто бы не народом, а господствующими классами, военной феодальной верхушкой. "Опустившись" в народ, эти "исторические" песни путем последовательного искажения в невежественной крестьянской среде превратились в былины. Так будто бы возникает эпос. В. Я. Пропп категорически не соглашается с данными доводами и отстаивает собственную идею, которая схожа с идеей Белинского о том, что героические тексты отражают идеалы, которые лежат в будущем, стремления эпохи. Пропп В. Я. также полностью поддерживает М. Горького, который стоит на том, что эпос, часть фольклора, является исключительно народным творением, выражает народные идеалы и потому хранится в народной памяти. С этой точки зрения учёный удачно объясняет практически все былинные сюжеты, лишь в редких случаях прибегая к ссылкам на идеологическое либо авторское влияние. Главным содержанием песен В.Я. Пропп определяет борьбу за самые высокие идеалы народа и победу во имя их осуществления. Былины пропитаны патриотичностью и воспитательным духом. Народ вкладывает в эпос свои стремления, содержание песен настраивает его на высокий моральный уровень. Эпос отражает развитие и самосознание народа. Исследователь отвергает теорию об иноземном происхождении былин, подчёркивает связь эпоса с русской историей, с русской действительностью и бытом. Описания и реалии эпических песен историчны. Народ понимает эпос как часть своей истории. Былины есть признак гармоничной внутренней жизни и освободительных устремлений народа, борьбы за возможность жить независимо и быть счастливым. Он отрицает мифологизацию эпосом истории народа, ведь, напротив, эпос в своём развитии отбрасывает пережитки мифологии. Процесс взаимоотношения эпоса и истории мыслится им зависимым не от событий, а от различных эпох. Именно в этом направлении он и ведёт своё исследование. Надо сказать, что и у теории Проппа были как свои плюсы, так и минусы. Принадлежа к русским революционным демократам, исследователи, разделяющие патриотическую интерпретацию былин, мыслили в рам-

как господствовавшей советской идеологии. Так, В. Я. Пропп наряду с такими известными исследователями как В. Г. Белинский и Н. И. Добролюбов, пытается зажать былины в рамки марксистской формационной теории, интерпретируя повествование определенного былинного сюжета применительно к заранее определенной хронологической схеме, включающей всем нам известные периоды: первобытнообщинный, феодальный, капиталистический и социалистический. Ограниченность идеологических рамок еще никогда не была плюсом в исследовании какой бы то ни было научной теории.

Как видно, подвести итоги очень сложно и, можно сказать, преждевременно, так как в границах одной статьи невозможно досконально осветить все методы различных исторических школ, поэтому, думаем, в данной работе уместнее будет ограничиться выводами из рассмотренных данных.

В течение всего периода научного изучения былины исследователи самых разных школ обращали внимание на те или иные черты мировоззрения или общественного устройства в былинах, интерпретируя былинные сюжеты в зависимости от методов той исторической школы, к которой они принадлежали. Мы остановимся на кратком анализе идейных разработок Льва Прозорова, который большую часть своей научной практики посвятил доскональному изучению методологии различных направлений в былиноведении. Он пришел к убедительному выводу, на самом деле, кто-то из былинных персонажей имел исторических прототипов, кто-то стал ипостасью прежнего языческого бога, кто-то оказался героем, восходящим к архетипу, общему для всех народов. При этом в одном образе могли объединиться и бог, и реальный персонаж из истории, и несколько героев, живших в разные эпохи, и древний архетип. Поэтому былину можно сравнить с археологическим раскопом, где каждый сюжет, описание обряда или слово «привязывается» к определенному слою: от архаических эпох до современности. В былине «Илья Муромец и Святогор» один русский богатырь спрашивает другого: «Ты какой земли, ты какой орды?». В былине «Добрыня и Дунай сваты» Добрыня разгуливает по ляховицкому городу Ляхову и «бьет татар всех до единого». А Дунай выводит Апраксию-королевичну в «новы сени», чтобы везти к князю Владимиру, а «по сеням текут ручьи кровавые». Строки корреспондируют с летописным рассказом о сватовстве Владимира к дочери полоцкого князя Рогнеде. Об этом можно судить по деталям, содержащимся в былинах. Был предложен метод датировки, который основывается на самых ранних упоминающихся чертах социального уклада. К ним относятся родственные отношения, условия заключения браков, обряды смерти и погребения. Все это являлось второстепенным для сказителя, не определяло сюжет, а потому переходило из века в век в неизменном виде. Благодаря этим деталям былину можно достаточно точно «привязать» к определенному времени. Так, используя вышеописанный метод, сложение самых ранних былин было отнесено к XI веку. Но также учитываются при интерпретации значения конкретного былинного сюжета и другие подходы, которые учитывают факторы, относящиеся к социальной мифологии, социальной антропологии и исторической психологии.

Данный пример хорошо демонстрирует, что при компромиссном подходе к анализу русского героического эпоса и совместном объединении сил разных школ былиноведения, возможно достичь гораздо больших успехов в датировке былинных циклов, в интерпретации исторических сюжетов, в них отраженных, и в целом проводить более фундаментальную аналитическую работу по изучению русского фольклора.